

Моя воспоминанія и размышленія ¹⁾).

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ.).

Вскорѣ затѣмъ въ концѣ марта пріѣхали къ намъ братья, чтобъ провести съ нами страстную и святую предъ далекимъ походомъ. Братъ Василій привелъ съ собою съ конюхомъ и своего верхового коня Аннибала и гарцовалъ на немъ передъ нами на дворѣ и разѣзжалъ на немъ по Москвѣ на гулянья подъ Новинскимъ. Бѣдная шаша, которая незадолго передъ тѣмъ причащалась св. таинъ и соборовалась и которой выпустили воду, чувствовала себя теперь лучше и очень радовалась, глядя на своего молодца-сына, который оказался уже очень хорошимъ кавалеристомъ. Послѣ праздниковъ, передъ походомъ ему пришлось хлопотать и о дѣлахъ и выдать засвидѣтельствованную въ Московской палатѣ гражданского суда 22 апрѣля 1848 г. довѣренность на имя Наденьки по дѣлу, какъ о вводѣ насъ въ наслѣдство послѣ покойнаго отца, такъ и по продажѣ дома, буде найдется выгодный покупатель. Наконецъ, наступило тяжелое для шаша и для братьевъ время разлуки,—разлуки на вѣки, такъ какъ болѣзнь шаша врачи считали неизлѣчимою и не ожидали, чтобъ она осталась въ живыхъ до зимы. Я провожалъ братьевъ до ихъ полка, который расположился недалеко отъ Москвы на дневку, и цѣлыя сутки провелъ въ полку. Впечатленія были не очень-то свѣтлыя: все время шла между офицерами и юнкерами непрерывная попойка и игра въ карты, большею частью азартная. Я не могъ надивиться братьямъ, какъ они могли выносить такую жизнь съ ихъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

образованіемъ, и съ горемъ замѣчалъ, что братъ Василій, привыкшій всегда и во всемъ первенствовать, и здѣсь никому не хотѣлъ уступать ни въ кутежахъ, ни въ картежи. Ночь пришлось провести въ избѣ, вмѣстѣ съ нижними чинами, тогда какъ днемъ братья-юнкера и я были все время въ обществѣ офицеровъ; не легка была для нихъ походная жизнь. Самъ я не спалъ совсѣмъ эту ночь. Раннимъ утромъ всѣ поднялись, изготовились къ походу и двинулись на западъ къ границѣ Пруссіи, въ Ковенскую губернію, а я возвратился въ Москву, скрывая отъ мамы, но не отъ Наденьки, вынесенныя мною изъ этой дневки съ полкомъ впечатлѣнія и наблюденія. Я очень сожалѣлъ потомъ, что не скрылъ ихъ и отъ Наденьки, потому что она очень приняла ихъ къ сердцу и очень много плакала, опасаясь самыхъ худыхъ послѣдствій для брата Василія, а ей и безъ того приходилось много плакать и сокрушаться по поводу болѣзни мамы и непрерывно твердить мнѣ, что она не переживетъ мамы, да и не желала бы пережить ее. А тутъ, на бѣду, мама возымѣла мысль написать свое духовное завѣщаніе, что для нея въ ея болѣзненномъ положеніи было дѣломъ очень нелегкимъ, заставлявшимъ ее много страдать физически, а Наденьку—нравственно. Мама сама составила и сама переписала свое завѣщаніе начисто очень красивымъ, стариннымъ и такимъ твердымъ почеркомъ, какъ-бы она была совсѣмъ здорова. Въ концѣ завѣщанія была слѣдующая статья, относительно похоронъ:

„Еще завѣщаю, чтобы дѣти мои похоронили грѣшное тѣло мое безъ всякой пышности и церемоніи; чтобы гробъ и дроги были простые, безъ балдахина, запряженные парю лошадей, безъ факеловъ и пѣвчихъ, чтобы только нашъ одинъ священникъ сопровождалъ тѣло мое до вѣчнаго его жилища“.

9-го іюня 1848 г. духовное завѣщаніе было подписано, а 24-го іюня Наденьки, которая въ немъ была назначена душеприказчицей и которой было оказано нѣкоторое, вполне справедливое, предпочтеніе передъ другими, не стало, и исполнять завѣщаніе въ свое время пришлось мнѣ: оно было въ точности исполнено по духу и буквѣ, за исключеніемъ послѣдней части его, относительно похоронъ ея, такъ какъ завѣщаніе въ свое время не было мною найдено, и эта часть его не сохранилась у меня въ памяти.

Лѣто 1848 г., по совѣту И. Т. Глѣбова и настояніямъ мамы и Наденьки, я проводилъ въ подмосковномъ имѣніи Мельгуновыхъ—Таболовѣ, чтобы окончательно поправиться здоровьемъ

и укрѣпить свои нервы ежедневными купаньями въ протекающей близъ барскаго дома рѣкѣ, продолжая въ то же время свои уроки обѣимъ большимъ барышнямъ и ихъ кузинѣ отдѣльно. Впрочемъ, почти каждую недѣлю я ѣздилъ домой провѣдывать папа на день или на два. Оттуда всегда была легкая и удобная оказія, но туда приходилось у Рогожской заставы нанимать телѣгу у кого-либо изъ Таболовскихъ или сосѣднихъ крестьянъ. Разъ какъ-то привели мнѣ телѣгу, запряженную парой, сдѣлали въ ней переплетъ; я взялъ съ собой большой портфель съ бумагами и книгами и преспокойно выѣхалъ со двора нашего дома. Подъѣзжаемъ къ Рогожской заставѣ, мужикъ мой проситъ зайти на минуту въ кабакъ, чтобы запастись для деревни штофомъ водки. Я позволилъ. Мужикъ мой очевидно закусилъ и выпилъ, но немного, и поѣхалъ очень хорошо, чтобы наверстать время, проведенное имъ въ кабакъ. Вскорѣ на пути попался намъ другой мужикъ, односельчанинъ, пѣшкомъ, остановился и принялся просить, чтобы я позволилъ ему сѣсть къ намъ въ телѣгу и ѣхать съ нами. Сталъ меня просить о томъ же и его землякъ. Что жъ, думаю, отчего же не сдѣлать ему этого одолженія, отчего же не довести его вмѣсто того чтобы итти ему пѣшкомъ около 20 верстъ? Согласился. Проѣхали еще версты двѣ. Мужички мои стали просить моего разрѣшенія свернуть съ большой дороги на проселочную: дорога-де очень хорошая, лѣскомъ, а день былъ жаркій, они ее хорошо знаютъ, и мы выгадаемъ, такимъ образомъ, верстъ 5 или 6. Согласился я и на это. И, дѣйствительно, ѣхать было много пріятнѣе: воздухъ чудесный и совсѣмъ безъ пыли. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, я началъ понемногу дремать и не замѣтилъ, какъ мои мужички одинъ за другимъ тянули водку изъ купленнаго въ кабакъ штофа и до такой степени перепились, что одинъ изъ нихъ, котораго мы прихватили въ дорогу, подсѣлъ ко мнѣ и лѣзъ со мной обниматься и цѣловаться. Это до такой степени было противно, что я поднялся съ своего мѣста и изо всей силы оттолкнулъ его. Съ мѣста мнѣ удалось столкнуть его, но онъ остался у моихъ ногъ и началъ меня успокаивать, бормоча съпьяна, чтобы я не боялся, что хоть большой мой бумажникъ въ рукахъ у меня весь набитъ деньгами, но онъ его у меня не отберетъ, что онъ считаетъ себя моимъ гостемъ и меня не обидитъ, и т. д. Я прикрикнулъ тогда на хозяина телѣги, котораго для меня наняли, чего онъ не уйметъ своего земляка и позволяеть ему безобразничать, что онъ будетъ отвѣчать и за него. Обра-

щеніе мое подѣйствовало, но очень неблагопріятнымъ для меня образомъ. Началась перебранка между обоими, сильно подпившими, мужиками, и, во время этой перебранки, оказалось, что коренная-то лошадь принадлежала путнику, котораго мы прихватили съ собой, и теперь онъ соскочилъ съ телѣги, остановилъ лошадей и принялся выпрягать свою лошадь, говоря, что онъ доѣдетъ на ней домой верхомъ, что мы сбились съ дороги и что тутъ верхомъ проѣхать можно, а въ телѣгѣ нельзя. Хозяинъ телѣги, который былъ меньше пьянъ, говорилъ, что это вздоръ, что ѣхать въ телѣгѣ все время будетъ можно, что они маленько сбились съ дороги, но что они сейчасъ попадутъ на нее, а что дорога пойдетъ тяжелая и на одной лошади ѣхать нельзя. Положеніе мое было отчаянное: я также соскочилъ съ телѣги и, поднявъ палку на выпрягавшаго свою лошадь мужика, принялся кричать и ругать его и готовъ былъ пустить палку въ ходъ. Это подѣйствовало: мужикъ сталъ просить одного, чтобы его лошадь, которая все время шла въ корню, была перепряжена въ пристяжку, чтобы ей такимъ образомъ было полегче, а мы уже много болѣе половины всей дороги сдѣлали. Я нашель, что эту его просьбу можно уважить, и послѣ долгой перебранки между мужиками, которая, безъ моего посредства, перешла бы въ драку, такъ дѣло и было наконецъ улажено, и я благословлялъ свою судьбу, когда мы выѣхали на большую хорошо извѣстную мнѣ дорогу въ Таболово. Мужики мои совсѣмъ присмирѣли, завидѣвъ барскій домъ Таболова, и просили меня объ одномъ—простить ихъ и отпустить ихъ домой безъ всякаго взысканія. Ни о какомъ взысканіи я и не думалъ и винилъ себя въ томъ, что дозволилъ нанятому мною крестьянину зайти въ кабакъ, взять съ собою попутчика и ѣхать неизвѣстною мнѣ проселочною дорогою; отъ всѣхъ этихъ погрѣшностей юнаго либерализма я впослѣдствіи строго воздерживался и ѣздилъ въ крестьянскихъ телѣгахъ въ Таболово уже безъ всякихъ приключеній.

23-го іюня я пріѣхалъ въ Москву по той причинѣ, что, бросившись въ рѣку для купанья съ высокаго носа лодки, я, по неосторожности сильно ушибся, такъ что мнѣ было трудно ходить. На другой день были именины нашего доктора, добрейшаго Ивана Тимоѣевича Глѣбова; но говорили, что онъ все-таки навѣститъ маман, какъ навѣщаетъ ее всегда ежедневно и что тогда я съ нимъ и могу посовѣтоваться. А между тѣмъ Наденька, которая просто обожала Глѣбова за его необыкновенное расположеніе и вниманіе къ маман, занята была вопро-

сомъ, что бы подарить ему на его именины, и такъ какъ жена его была большая охотница принимать гостей, то она осталась на мысли купить для него хорошій чайный сервизъ съ подносомъ или безъ подноса, и съ этой цѣлью отправилась въ „городъ“. День былъ чрезвычайно жаркій, душный, сильно парило и можно было ждать грозы. И, дѣйствительно, гроза разразилась жестокая, съ страшнымъ проливнымъ дождемъ. Бѣдная Наденька какъ разъ попала подъ этотъ проливной дождь на открытомъ извозчикѣ и пріѣхала домой, промокнувши, что называется, до костей. Сейчасъ ее переодѣли, вытерли водкой-перцовкой, какую тогда постоянно держали наготовѣ по случаю жестоко свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Наденька чувствовала себя, повидимому, хорошо и съ большимъ аппетитомъ кушала передъ чаемъ клубнику изъ нашего сада со сливками и потомъ чай. На другой день въ 6 часовъ утра старая няня, Анна Ѳедоровна, разбудила меня, говоря, что у насъ бѣда, что старшая барышня заболѣла и что у нея чуть-ли не холера и что она послала уже своего мужа за докторомъ Глѣбовымъ. Я сейчасъ же прошелъ къ Наденькѣ, не одѣваясь и не умываясь, накинувъ на себя только халатъ; сомнѣнія не могло быть, что у нея холера. Въ Таболовѣ, гдѣ также свирѣпствовала холера, я не мало видѣлъ холерныхъ больныхъ, посѣщая ихъ вмѣстѣ съ гувернеромъ Мельгуновыхъ Карломъ Андреевичемъ Козловскимъ и ухаживая за ними подъ его руководствомъ; я и съ собою привозилъ въ Москву на всякій случай Иноземцевскія капли противъ холеры, которыми меня снабжалъ добрейшій Карлъ Андреевичъ. И теперь я пустилъ ихъ въ ходъ вмѣстѣ со всѣми средствами, какія мы употребляли въ деревнѣ—растираніями, кувшинами съ кипяткомъ на животъ и къ ногамъ и т. д. Вернувшійся отъ Глѣбова Петръ сообщилъ, что Иванъ Тимоѳеевичъ ночевалъ у себя на дачѣ, но что его ждуть часамъ къ 9-ти и что онъ, конечно, тотчасъ же къ намъ пріѣдетъ, а что купленный ему барышней подарокъ подносъ онъ, Петръ, отвезъ къ нему. Тогда я послалъ за ближайшимъ къ намъ докторомъ Воскресенскимъ и Влад. Мих. Смоличемъ, братомъ нашего пріятеля. Перваго не застали дома, второй сейчасъ же пріѣхалъ и вполне одобрилъ мое лѣченіе; но, войдя со мною въ другую комнату, сказалъ мнѣ, что онъ считаетъ положеніе Наденьки совсѣмъ безнадежнымъ, что она по своему малосилію и малокровію не могла выдержать такого страшнаго приступа холеры, что прекращенію поноса и рвоты нельзя радоваться и что, по всей вѣроятности, къ вечеру ея

уже не станеть. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ и Глѣбовъ, подтвердившій вполнѣ мнѣніе Смолича, но прибавившій, что все-таки мы будемъ бороться противъ болѣзни до конца, что мы не все сдѣлали, что предписываетъ намъ въ подобныхъ случаяхъ современная медицинская наука. Такъ жестоко страдавшая Наденька, уже почти почернѣвшая, все еще продолжала больше заботиться о другихъ, чѣмъ о себѣ, и первая заговорила съ Глѣбовымъ о моей болѣзни, чтобы онъ мною поскорѣ занялся. Глѣбовъ нашель, что мнѣ необходимо тотчасъ же поставить піявки, что иначе я сильно и надолго разболѣюсь. Я заявилъ ему, что ни за что не разстанусь съ сестрой и что піявки можно отложить на день или на два. „Пойдемте, сказалъ онъ, спросимъ вашу сестру, и какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ“ Нечего и говорить, что Наденька отвѣчала, что она умоляетъ меня сейчасъ уйти къ себѣ въ кабинетъ и поставить піявки. Наденька лежала въ диванной, самой большой комнатѣ нашего дома, и я пытался убѣдить Глѣбова, чтобы меня положили въ той же комнатѣ и отгородили отъ сестры ширмами. Это было отвергнуто Глѣбовымъ съ большимъ негодованіемъ и даже съ гнѣвомъ. „Этого я ужъ никакъ не допущу: за кого это вы меня считаете?“ Такъ какъ и татап, и Наденька настаивали, чтобы я ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, и тѣмъ временемъ пришелъ уже фельдшеръ съ піявками, и Глѣбовъ увѣрялъ меня, что черезъ часъ или два я могу возвратиться къ сестрѣ,—я принужденъ былъ подчиниться общему требованію. Но возвратиться къ ней не пришлось: какая-то піявка прокусила мнѣ вену, и я совсѣмъ исходилъ кровью. 3 или 4 стклянки гемостатина Нелюбова были изведены на меня, а кровь все еще продолжала течь: я приходилъ въ обморочное состояніе, и Глѣбовъ и татап столько же опасались за меня, сколько и за Наденьку, а Наденька не разъ посылала узнавать о моемъ положеніи. Наконецъ, какъ-то удалось остановить кровотеченіе, кажется съ помощью льда; но я такъ былъ слабъ и такъ у меня кружилась голова, что встать съ постели я уже не могъ, да и Наденька впала уже въ безсознательное состояніе, и изъ диванной доносились до меня ея глухіе стоны, которые становились все тише и тише и наконецъ совсѣмъ замолкли. „Скончалась“, пришелъ сказать мнѣ весь въ слезахъ добрѣйшій Иванъ Тимоѣевичъ; онъ почти весь этотъ день, день своего ангела, провелъ въ нашемъ домѣ, переходя отъ Наденьки ко мнѣ и отъ меня къ Наденькѣ, и теперь, давъ всѣ необходимыя наставленія мнѣ.

шатап и прислугѣ и принявъ всѣ нужныя мѣры предосторожности, уѣхалъ къ себѣ домой.

Было ровно 6 часовъ вечера, какъ Наденька скончалась, проболѣвъ всего 12 часовъ; но что съ нею случилось? Она была совсѣмъ неузнаваема, вся черная, вытянувшаяся, исхудавшая. Хоронили ее на другой день и отпѣвали за вечернею, и притомъ почему-то не въ нашей церкви Іакова Апостола, а въ ближайшей Николы Ковыльскаго, хоронили совсѣмъ запросто, провожали ее только сестры да няня; шатап и я были только на выносѣ. Въ сохранившейся отъ того времени счетной книжкѣ значится, что похороны ея стоили всего 175 р. асс. (50 р. сер.), тогда какъ похороны отца безъ малаго за годъ предъ тѣмъ обошлись почти въ 600 р. асс.

Матап перенесла этотъ страшный ударъ какъ добрая христианка, съ полною покорностью волѣ Божіей. Прощаясь съ ея прахомъ, она громкимъ и твердымъ голосомъ сказала: „До свиданья, до скорого свиданья, моя, дорогая, безцѣнная Наденька“ такимъ голосомъ, который не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что свиданіе это дѣйствительно состоится и что состоится оно въ самомъ непродолжительномъ времени. И дѣйствительно шатап пережила Наденьку только на 5 мѣсяцевъ.

Наденька скончалась 29-ти лѣтъ отъ роду. Смерти она нисколько не боялась и постоянно мнѣ твердила: „Я не переживу шатап и не желаю ее пережить.“ И это были не слова только, а дѣйствительное душевное ея настроеніе. Послѣ нея осталась небольшая тетрадка ея стихотвореній, очень заунывныхъ, исполненныхъ глубокаго разочарованія въ жизни и въ людяхъ; но это мрачное настроеніе духа озаряется постоянно свѣтомъ вѣры, сіяніемъ собственнаго ея внутренняго міра и вдохновенія и любовью къ матерн. При всей своей заунывной монотонности стихотворенія эти, не всегда удачныя и по своей внѣшней формѣ, отражаютъ въ себѣ ея внутреннюю жизнь, жизнь ея сердца. Вотъ два изъ этихъ стихотвореній, рисующія эти жизненныя черты.

I.

А скій монастырь.

Есть у меня родная сторопа,
 Не та, гдѣ я для жизни рождена,
 Но та, гдѣ сердца жизнь проснулася во мнѣ,
 Гдѣ счастье я извѣдала вполнѣ.

То было ужъ давно, давно прошло.
 Ужъ много времени съ тѣхъ поръ ушло,
 И мнится мнѣ, не сонъ ли это былъ,
 Не сонъ ли душу дивно обольстилъ.
 Теперь все измѣнилось въ жизни и въ мечтахъ,
 Все измѣнилось и въ родныхъ мѣстахъ.

.

Теперь ужъ тамъ прекрасна, высока,
 Обитель инокинь видна издалека,
 И церковь бѣлая и куполь золотой

.

И въ храмѣ женскій стройный хоръ поетъ,
 Хвалу Творцу смиренно воздаетъ,
 И кротки инокинь спокойныя черты:
 Онѣ давно забыли міра суеты.

Ахъ, здѣсь и я хотѣла бѣ ихъ забыть,
 Вдали отъ смутной свѣтской бури жить,
 И тихо кончивъ жизни грустный путь,
 Здѣсь сладко бѣ было вѣчнымъ сномъ заснуть
 Подъ сѣнью мирною, священною, креста,
 На берегу любимаго пруда...

И клиросъ дѣвъ торжественный, святой,
 Пропѣлъ бы тихо мнѣ заупокой,
 И не могильный холмъ муравчатой земли
 Завѣтный лѣсъ глядѣлъ бы издали.

II.

Благовѣсть къ обѣднѣ.

Когда я слышу зовъ смиренный,
 Металла томный звонъ вдали,
 Зовущій въ Божій домъ священный,
 Отраду скорбныхъ всѣхъ земли;
 Когда онъ, тихо замирая,
 Обѣдни часъ благовѣститъ,
 Къ молитвѣ грѣшныхъ призывая,
 Святую радость имъ сулить,—
 Тогда душа вдругъ встрепенется,
 Желаньемъ пламеннымъ полна.

Туда невидимо несется
 Нетерпѣливая она...
 Туда, гдѣ еиміамъ курится
 Передъ священнымъ алтаремъ,
 Гдѣ сладко, сладко такъ молиться,
 Упасть во прахъ передъ Творцомъ
 Тамъ, гдѣ горитъ огонь лампадный
 Неугасимою звѣздой
 Передъ иконою отрадной,
 Иконою Дѣвы Пресвятой;
 Тамъ, гдѣ торжественно, спокойно,
 Молебный тихій клиръ поетъ,
 Душа вторитъ ему невольно
 И съ нимъ мольбу свою сольетъ.
 О, какъ тоска тамъ облегчится
 Надеждой, вѣрою живой.
 О, какъ отраднo тамъ молиться
 За милыхъ сердцу, за него.

Наденька была не только чистое сердцемъ существо, любвеобильное, самоотверженное, глубоко религіозное, можно почти сказать, неземное существо; но она вмѣстѣ съ тѣмъ была и большая патріотка, націоналистка, по современному выраженію. Доказательствомъ можетъ служить послѣднее въ ея тетрадкѣ стихотвореніе. Вотъ оно:

Россія! родина! Я не люблю тебя,
 Когда, забывши все, чѣмъ ты должна гордиться,
 Все русское, свое, святое разлюбя,
 Ты хочешь съ остальной Европою сравниться.
 Что въ ней тебѣ, скажи! Завиденъ ли покой,
 Когда она къ нему дошла стезей кровавой?
 Къ чему ей подражать? Живи сама собой,
 Будь самобытною, будь гордою державой,
 Сама учи другихъ, сама пересоздай
 На русской образецъ Европу остальную,
 И пусть съ тебя беретъ заморскій край,
 Какъ надобно любить страну свою родную.
 Къ чему на Францію Россіи походить?
 И въ мысляхъ, и въ словахъ смѣшно тебѣ французить,
 И нравы старыя на новый ладъ кроить,

И прадѣдовъ кафтанъ во фракъ нескладный сѣзуть.
 Зачѣмъ на русской снѣгъ французскіе цвѣты
 Стараться насадить во что бы то ни стало?
 Всѣ сѣномъ будутъ здѣсь. Зачѣмъ же хочешь ты,
 Чтобъ солнце для тебя лишь съ Запада вставало?
 Повѣрь, оно зайдетъ тамъ скоро, и тогда
 Другое встанетъ, но съ Востока,
 Готовься къ этому! настанутъ тѣ года,
 И разростется Русь высоко и широко!
 Останься жъ вѣрною обычаямъ святымъ!
 Европѣ подражать не значить ли тиранить
 Свой русской духъ? Тебѣ ль гнущаться всѣмъ роднымъ
 И западныхъ своихъ сосѣдей обезьянить?
 Своей исторіи прочитывай листы,
 Холодность ко всему чужому обнаружа,
 Ты—самородная держава, и къ чему же
 Тебѣ *Европой* быть, когда *Россія* ты!

Таковы были „Любимыя Мечты“ незабвенной Наденьки, какъ она назвала тетрадку своихъ стихотвореній, всѣхъ ихъ числомъ 53.

Недѣли полторы послѣ такой ужасной ея кончины, я оставался дома съ маман. Ни я и никто другой изъ ухаживавшихъ за нею не заразился отъ нея холерой, и только прачка Дарья, стиравшая ея бѣлье, заболѣла, и точно также въ одинъ день ея не стало. Холера продолжала жестоко свирѣпствовать въ Москвѣ, и маман такъ же, какъ и Глѣбовъ, настаивали, чтобъ я поскорѣе уѣхалъ въ Таболово и тамъ, на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, набрался силъ къ новому учебному году. Я послѣдовалъ ихъ совѣту, какъ только убѣдился, что за маман будетъ достаточно хорошій уходъ. И сестры, и я пробовали замѣнить въ этомъ отношеніи Наденьку; но наиболѣе удалось это старой нашей нянѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ при помощи молодой горничной Наташи, но, конечно, только по части медицинскаго ухода. Маман сама такъ настаивала на моемъ скорѣйшемъ отъѣздѣ, что 5-го іюля я уже уѣхалъ въ Таболово.

А. Георгіевскій

(Продолженіе слѣдуетъ).

